

Глава 12. Две звезды

В конечном счете разбирательство закончилось ничем.

Старейшина Фусун действительно предоставил доказательства, но они лишь подтвердили, что Ли Чжунчэн нагло лгал о своем старшем брате. Это выставило мальчишку обыкновенным плутом, чьим словам нельзя было доверять, но никак не доказывало вину Мо Чжияня. Не было ни единой прямой улики, подтверждающей, что именно молодой господин приказал Мо Шестнадцатому вырезать семью Ли.

Разумеется, в этой истории оставалось немало логических нестыковок, которые Чжиянь не мог внятно объяснить, но великие старейшины Дивного края Хуами не могли позволить себе опуститься до пыток. Наказывать сына главы школы, пока сам владыка пребывает в тяжелом беспомоществе, опираясь лишь на смутные подозрения, было недопустимо.

Более того, в мире заклинателей испокон веков царил закон сильного. Жизнь слабых была подобна сорной траве или никчемным муравьям. Даже если бы вина была доказана — что с того? Разве падение одной жалкой семьи смертных стоило головы наследника первой школы Поднебесной?

Мо Чжиянь был единственным сыном Бессмертного владыки Хуаяю.

Пока он не совершит нечто воистину чудовищное, никто не посмеет его тронуть.

И всё же это происшествие наложило тень на отношение старейшин к молодому господину. Если такие нейтральные мастера, как Юнь Гуй и Фусун, просто сохраняли холодность, то даже те, кто был близок к владыке Хуаяю и до последнего защищал его сына, начали втайне выражать недовольство.

Кем был Бессмертный владыка Хуаяю? А госпожа Циньхуа?

Оба они были легендарными личностями, прославившимися в битвах с демонами. Их заслуги перед человечеством были неоспоримы, а имена вызывали трепет и восхищение у бесчисленных заклинателей.

Как мог их наследник оказаться мелочным тираном, посягнувшим на жизни незащищенных смертных?

Это позорило величие его родителей.

В холодном безмолвии величественного зала Мо Чжиянь восседал на возвышении, прикрыв глаза. Мо Семнадцать, точно каменное изваяние, застыл за его спиной.

В помещении царила мертвая тишина.

Дворец поражал воображение запредельной роскошью: ступени, вырезанные из чистого нефрита и золота, спускались от трона к самой кромке пруда с лотосами. Из пастей золоченых медных зверей струился тонкий дымок благовоний, чей густой и душный аромат пропитал каждый камень пола.

Ли Чжунчэн, озираясь по сторонам, никак не мог подавить клокочущую в груди зависть.

Они были братьями, рожденными одной матерью, но их судьбы различались как небо и земля. Почему? Только потому, что Мо Чжиянь появился на свет на несколько лет раньше?

Тот открыл глаза и встретился с ним взглядом.

Поскольку маски были сброшены, он больше не видел нужды притворяться и лишь коротко, презрительно усмехнулся.

Чжунчэн, крайне болезненно воспринимавший любой жест брата, тут же вскинулся:

— Чего ты смеешься?

— Смеюсь над тем, какой же ты идиот, — ответил Мо Чжиянь с ледяным безразличием.

Всё, что было у мальчишки на уме, читалось на его лице, точно в открытой книге.

— Я — идиот?! Да я делал всё в точности так, как ты велел! Если я идиот, то ты — вдвойне!

Мо Чжиянь окинул его холодным взглядом, наблюдая за искаженным от злости лицом брата, и вдруг негромко произнес:

— Похоже, Мо Сюнь и впрямь относился к тебе слишком хорошо.

— Еще бы, он ведь мой...

— Иначе как бы ты посмел так со мной разговаривать? — оборвал его Мо Чжиянь.

Ли Чжунчэн не успел договорить — он внезапно охнул, и его лицо побелело.

По залу прокатилась мощная волна духовного давления, свойственная лишь заклинателям. Она безжалостно обрушилась на юношу, придавливая его к земле.

Мальчишка рухнул на колени, не в силах сопротивляться этой мощи. Его губы задрожали.

— Ты... что ты собираешься делать?

— А разве у тебя есть хоть какая-то возможность мне помешать? — Мо Чжиянь посмотрел на него сверху вниз с нескрываемым презрением.

Внезапно в его глазах блеснул странный интерес, и он спросил:

— Ты ведь знаешь, что Мо Сюнь куда сильнее меня?

Ли Чжунчэн смотрел на него с нескрываемым страхом.

— Он тоже мог убить тебя в любой момент. Мне вот искренне любопытно: откуда в тебе столько наглости? Ты верил, что он не поднимет на тебя руку? Или полагался на то, что он твой названный брат?

Когда Мо Чжиянь читал ту книгу, он невольно сопереживал злодею, чье имя так походило на его собственное, поэтому всегда подсознательно ставил себя на его место. Биологические родители Мо Сюня были на стороне «главного героя». Но что ранило сильнее всего — чета Ли, настоящие родители Мо Чжияня, тоже горой стояли за Сюня.

«Неудивительно, что этот персонаж питал к этой семейке лишь глубокое отвращение», — подумал он.

Сейчас он не мог убить Ли Чжунчэна, но никто не мешал ему выплеснуть скопившуюся желчь.

— Я не твой добросердечный и наивный братец Мо Сюнь. Если ты меня разозлишь...

Он осекся на полуслове и, глядя на смертельно бледного Чжунчэна, нетерпеливо взмахнул рукой:

— Уведите его. Видеть его тошно.

Мо Семнадцать послушно и механически исполнил приказ.

Ли Чжунчэн, который втайне надеялся выгадать какую-нибудь выгоду из их родства, теперь не смел пикнуть ни слова. В его душе смешались ужас, трепет и ненависть, но не осталось и

капли былой близости.

Он невольно сравнивал Мо Чжияня с Мо Сюнем, и в его сердце крепла острая, невыносимая тоска по прежнему брату.

Мальчишка не заметил, как в тот самый миг от него отделились крошечные, невидимые глазу золотистые частицы. Подхваченные ветром, гуляющим в дворцовых залах, они устремились вдаль.

Когда они ушли, Мо Чжиянь поднялся и принялся мерить зал шагами.

— Не пойдет, — пробормотал он под нос. — Эта дорога ведет в тупик. Через его семью на него не воздействовать.

Он остановился, и в его глазах зажегся недобрый огонек.

«Если нельзя тронуть близких «главного героя», значит... нужно забрать его ресурсы», — решил он.

Приняв решение, Чжиянь достал нефритовый жетон школы и влил в него духовную силу.

Вскоре из артефакта раздался спокойный и мягкий мужской голос:

— Чжиянь? Что-то случилось?

Мо Чжиянь заговорил, и в его голосе послышались слезы:

— Старший брат... когда ты вернешься?..

Остров персиковых цветов в Нефритовом море. Ночной рынок.

Черный длинный меч в руках Линь Му внезапно издал тихий, едва уловимый гул.

По лезвию скользнул слабый свет.

Уйдя в безлюдное место, Линь Му обнажил клинок и увидел, что на нем зажглась вторая звезда.

Гу Суйчжи, заметив это, самодовольно хмыкнул.

«Видишь? Я же говорил, — голос Гу Суйчжи звучал самодовольно. — Стоило ему забрать того мальчишку с собой, как вторая звезда пробудилась. Ну же, похвали меня»

Линь Му сжал рукоять, подыскивая подходящие слова.

— Старший... вы воистину прозорливы.

Гу Суйчжи остался доволен.

«Первая звезда привела к тебе этого глупого богатея с острова Фусан. А вторая...»

Внезапно Гу Суйчжи поддался порыву и выпустил свое божественное чутье. Его дыхание на миг изменилось.

«Быстрее, разворачивайся! Возвращайся назад, к шестой лавке на западе. Там лежит какой-то обломок, немедленно купи его»

Линь Му послушно нашел нужное место.

— Любые три вещи за десять камней высшего ранга. Торга нет, — прохрипел лавочник, даже не открывая глаз. Его руки были спрятаны в широких рукавах.

Кто-то из прохожих не удержался от смешка:

— Старик Лэй, совесть-то имей! Ты же только что просил десять камней низшего ранга за три штуки, с чего вдруг цена так подпрыгнула?

Духовные камни делились на четыре ранга: низший, средний, высокий и высший. Один высший камень стоил тысячи низших.

Такой резкий скачок в цене мог означать либо то, что старик обладал даром предвидения, либо то, что он просто учуял в Линь Му неопытного юнца и решил содрать с него три шкуры.

Лавочник резко распахнул глаза и рявкнул:

— Тебе-то какое дело?!

Затем он повернулся к Линь Му:

— Цена такая, какая есть. Не нравится — проваливай, не мешай торговать.

Линь Му молча развернулся и пошел прочь.

Старик опешил. Прохожий расхохотался во весь голос.

Лицо лавочника пошло пятнами от досады и стыда.

— Эй, парень! Ладно, отдам дешевле! Десять камней высокого ранга!

Юноша даже не замедлил шаг.

Старик стиснул зубы:

— Десять средних! Меньше не могу!

Линь Му продолжал идти.

Лавочник совсем поник. Он был всего лишь на стадии Очищения Ци и не мог обходиться без пищи. За весь день он не продал ни единой безделушки, а ему нужно было на что-то ужинать.

— Твоя взяла! Десять камней низшего ранга, берешь?

Линь Му остановился, обернулся и сухо бросил:

— Пять.

Старик, который только что пытался обмануть гостя, а в итоге сам оказался в дураках, заскрежетал зубами.

— ...По рукам!

Линь Му забрал вещи и поспешно покинул рынок.

«Старший, что это?»

«Ты слышал когда-нибудь легенды о священной горе школы Тайми?» — голос Гу Суйчжи прозвучал как-то отстраненно.

Линь Му замер.

Школа Тайми?

В мире заклинателей были тысячи школ и кланов. Первое место по праву занимал Дивный край Хуами.

Но школа Тайми стояла особняком. Легенды гласили, что именно там по сей день живут истинные потомки богов.

«Это тайный знак школы Тайми. По своим свойствам он немного напоминает тот медальон, который ты когда-то разбил»

«Он позволяет связаться со школой Тайми?»

«Бери выше, — отозвался Гу Суйчжи. — Тот, кто владеет этим жетоном, может один раз попросить у них помощи в любом деле, не противоречащем законам Дао. И ни один ученик школы Тайми не вправе отказать»

В его тоне послышались непривычные нотки.

«Помнишь, я говорил тебе про Дитя Небесного Дао? Вернее будет сказать — Дитя Небес. Она — нынешняя глава школы Тайми и тоже считается их ученицей»

Пальцы Линь Му невольно сжали жетон.

«Значит, если я захочу, то смогу обратиться напрямую к той великой заклинательнице?»

«Это вещь, способная спасти тебе жизнь», — добавил Гу Суйчжи.

Линь Му поджал губы.

— Благодарю за наставление, старший.

«Не стоит благодарности, — лукаво протянул Гу Суйчжи. — Но если ты и впрямь так хочешь меня отблагодарить...»

Линь Му приготовился услышать привычное: «Почему бы тебе не назвать меня мужем?». За время их пути он наслушался подобного вдоволь и не раз пытался серьезно объяснить, что у него нет подобных намерений, но...

«Да брось, мне просто скучно. А любишь ты меня или нет — это твое дело», — обычно лишь отмахивался Гу Суйчжи.

Просто скучно...

Линь Му не знал, что на это отвечать.

«Как насчет того, чтобы похвалить меня еще немного? Как давеча, только прояви фантазию. Например, скажи что-нибудь о моем ослепительном, сокрушающем небеса облике» — в голосе Гу Суйчжи слышалась явная улыбка.

Линь Му на миг лишился дара речи.

подавив чувство неловкости, он выдал:

— Вы... само совершенство.

«Маловато. Продолжай»

— ...Ваше величие не знает границ.

«И это всё? Разве такие слова могут описать хотя бы сотую долю моей красоты?»

— ...Вы благородны и прекрасны?

«Слишком общо», — продолжал придирается Гу Суйчжи.

Линь Му перебрал в уме все известные ему эпитеты, описывающие выдающуюся внешность, едва не перейдя к сочинительству, пока Гу Суйчжи наконец не соизволил сменить гнев на милость.

И в этот момент в голове юноши мелькнула странная мысль.

«...Уж лучше бы он попросил назвать его мужем».

Мысль эта пронеслась и исчезла, сам Линь Му едва ли ее осознал. Увидев, что Гу Суйчжи доволен, он произнес:

— Старший, нам пора уходить.

Он задержался здесь лишь ради этого рынка, и раз добыча была в руках, оставаться не было смысла.

Гу Суйчжи, пребывавший в благостном расположении духа, вскинул бровь:

«И это всё? Ну уж нет, ковать железо надо, пока горячо. Идем, там дальше аукцион, заглянем и туда»

Час спустя Линь Му стоял у дверей аукционного дома. В руках он бережно сжимал птичье яйцо, купленное всего за один духовный камень как «безнадёжно мертвое». На деле же это было еще не вылупившееся яйцо феникса.

«Ну?» — многозначительно хмыкнул Гу Суйчжи.

Линь Му промолчал.

Слова у него окончательно закончились.

<http://bllate.org/book/15862/1434940>